

Б И Б Л И О Т Е К А

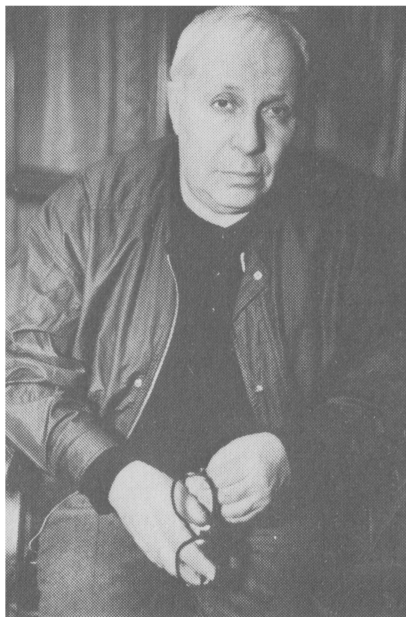
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 27

1989

Александр МЕЖИРОВ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БОРМОТУХА

Б И Б Л И О Т Е К А « О Г О Н Е К » № 27

Издается с января 1925 года

Александр МЕЖИРОВ

БОРМОТУХА

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1989

Александр МЕЖИРОВ

Родился в 1923 году в Москве в семье юриста. В 1941 году окончил среднюю школу и вскоре после выпускного вечера был призван в армию. Участвовал в боях на Западном фронте и Ленинградском.

В 1947 году вышла первая книга стихов «Дорога далека» и вслед за ней другие книги, а также переводы стихотворений и поэмы с грузинского и литовского языков.

Лауреат Государственной премии СССР и Государственной премии Грузии.

ПОСЛЕ ОСЕНИ

Осенняя закончилась пора.
Была сухая, быстрая погода,
Когда ведро с водой вблизи костра
Поставила хозяйка огорода.

В огонь бросая ржавое прутье,
Она сидела у костра в покое.
Почти полвека я любил ее,
Хотя не знаю, что это такое.

Мы с ней почти полвека жили-были.
Я был — ничем. Зато она была
Усердной собирательницей пыли
На мелких безделушках без числа, —
А было их действительно немало, —
Но даже это в ней меня пленяло.

В ней все меня пленяет до сих пор, —
И этот резко выраженный пол,
И злая жалость ко всему живому,
И мудрость при отсутствии ума,
И ностальгия по семье и дому,
И то, о чем, не ведая сама,
Все знает. Все. Но только по-другому —
Не разумом и духом, как Сократ,
А глубже и природней во сто крат.

Бессмысленно мерцающая спелым телом,
В кромешной тьме, на белом, по ночам,
Мироустройство представляет в целом,
А не разъято и не по частям.

Когда вода квартиру заливала
Из сочлененья ржавых труб зимой,
О, как она, бедняжка, ликовала,
Что в доме есть мужчина...

.

Боже мой!..

* * *

Чуть наклонюсь и vareжку сырую
На повороте подниму со льда.
Подумать страшно, как тебя ревную
И как люблю... Должно быть, навсегда...

Еще болезни наши, наши морги,
Могилы наши — ох, как далеко!
И я черчу веселые восьмерки
На раскаленном льду ЦПКО.

Мне подражать легко, мой стих расхожий,
Прямолинейный, и почти прямой,
И не богат нюансами — и все же,
И вопреки всему, он только мой.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Очередь за водкой еле движется,
Раннезимний застывает мрак.
Книга, книжка, маленькая книжица
Складывается примерно так.
(За шагом шаг.)

Полоса, как говорится, Средняя,
Железнодорожный рядом путь.
Книга, книжка, книжица последняя
Сложится, наверно, как-нибудь.

Я, конечно, понимал заранее,
Нелицеприятным будет суд
И мое ужасное название
Пошлым и безвкусным назовут.

И поскольку нет прорабов духа,
Сборной духа в этой книжке нет,
Для нее название — «Бормотуха»
Я придумал в духе этих лет.

А на тротуаре мразь такая,
Столько лет не метено,
Что, в мое название не вникая,
Книжицу затопчут все равно.

БОРМОТУХА

I

Плацкартный... Бесплацкартный... на поминки..
И на крестины... и за колбасой..
И даже просто так... И без запинки
Стучат колеса Средней полосой.
И по лимиту... или без лимита..
И даже просто так... не впроворот
Народу. И случайно приоткрыта
Дверь в зимний тамбур... там любой народ..
Любой народ — народ не без уroda,
Но целиком, на уровне народа,
Народы милосердны. А толпа
На уровне толпы всегда жестока, —
Готова растоптать ее стопа
Не только ясновидца и пророка.

Ты — из толпы. И спросится — с тебя...

Я из толпы — и мне знакомы лица,
Сулящие и свару и возню,
И злая жажда самоутвердиться,
В которой, прежде всех, себя виню.

II

Когда религиозная идея,
Которую никто не опроверг,
Устала, стали, о Христе радея,
Низы элиты подниматься вверх.
Не из народа, из низов элиты
Исчадь розни и возни ползло,
Когда, из грязи в князи сановиты,
Низы элиты выявляли зло.
Великие традиции оплакав,
Из глубины идущие веков,
Сперва безгрешней были, чем Аксаков,
Киреевские или Хомяков.
Все было так. Но не прошло и году,
У логики вещей на поводу,
Единственной реальности в угоду,
В Охотном оказались ряду.
Через плечо заглядывая в книжки,

Разлиьем¹ озаботились вдруг,
Леонтьева читая понаслышке
И Розанова из десятых рук.
И под наркозом одури расистской,
В первоначальных помыслах чисты,
Родной плацдарм словесности российской
Дорасчищали для своей тщеты...

III

Когда в когда-то новые районы
Пародия на старые салоны
Пришла в почти что старые дома
И густо поразвесила иконы
Почти что византийского письма,—
В прихожих, где дубленки из Канады,
Заполыхали золотом оклады,
Не по наследству, скромному весьма,
Полученные вдруг — а задарма,
Они из ризниц, может быть, последних,
Висят не в спальнях даже, а в передних,
Иконы эти, эти образа.
Там лейб-маляр, плутишка лупоглазый,
Бросал на холст валютные размазы,
В один сеанс писал хозяйке хазы
Почти что византийские глаза.
И, помавая шеей лебединой,
В другом салоне и в другой гостиной
Вприпляс рыдала — глаз не отвести,—
Зовущая Цветаеву Мариной,
Почти в опале и почти в чести.

IV

И превратились похороны в праздник,
Поминки перешли в банкетный зал,
И не Преображенец, а лабазник
Салоны политесу обучал.
Пред ним салоны эти на колени

Разлить — термин К. Леонтьева. (Примеч. автора).

Вповал валились, грызли прах земной.
В каком-то модернистском умиленье
Какой-то модернистской стариной.
Радели о Христе. Однако вскоре
Перуна Иисусу предпочли
И, с четырьмя Евангелиями в споре,
До Индии додумались почти.
Кто увлечен арийством, кто шаманством,—
Кто в том, кто в этом прозревает суть,—
Лишь только б расплеваться с христианством
И два тысячелетья зачеркнуть.
Как допустить, что плоть Его оттуда,
И что Псалтырю протянул Давид
Оттуда, и не верящая в чудо
Перед Святою Троицей стоит.
А смысл единый этого раденья,
Сулящий только свару и возню,
В звериной жажде самоутвержденья,
В которой, прежде всех, себя виню.
А если я и вправду заикаюсь,
Как Моисей, то вовсе отыми
Дар речи, ибо не пред Богом каюсь,
А только перед грешными людьми.
И прежде всех, виновен в полной мере,
Ах, люди-звери, вместе с вами я...
Ах, не сужу... У приоткрытой двери
Уже стоит Всевышний Судия.

И по лимиту... или без лимита...
И даже просто так... не впрокорот
Народу... и случайно приоткрыта
Дверь в зимний тамбур... там любой народ...
Командировка... срочное задание...
Уют купейный, чаем знаменит...
Как вдруг, по ходу поезда, в стакане
Казенным звоном ложечка звенит...

V

Как вдруг на узкой полке в темноте
Я усмехнулся: что мне толки те...

VI

Ну, что теперь поделаешь?.. Судьба...
И время спать, умерить беспокойство,
На несколько часов стереть со лба
Отметину двоякого изгойства.
О двух народах сон, о двух изгоях,
Печатью мессианства в свой черед
Отмеченных историей, из коих
Клейма ни тот, ни этот не сотрет.
Они всегда, как в зеркале, друг в друге
Отражены. И друг от друга прочь
Бегут. И возвращаются в испуге,
Которого не в силах превозмочь.
Единые и в святости, и в свинстве,
Не могут друг без друга там и тут
И в непреодолимом двуединстве
Друг друга прославляют и клянут.

* * *

Осенний дождь способствует беседе,—
На летнюю, зеленую траву
Он льет и льет. Еще не видно меди
В том пригороде близком, где живу.

Беседа наша длится бесконечно,
Почти лишает отдыха и сна,
И надоела каждому, конечно,
Тем более что скучная она.

Мы говорим о совершенном вздоре,
О том, что и без слов понятно всем.
Я часто повторяюсь в разговоре,
Поскольку я неграмотен совсем.

Не наделен способностью к познаниям
И к поученьям абсолютно глух,
Я засыпаю на рассвете раннем,
Сквозь сон беседу продолжая вслух.

* * *

Дом заселяется людьми.
Налаживание уюта

Идет в рассрочку за дверьми,
А жизнь — всего одна минута.

Вот бородатый либерал
При помощи охотнорядца
Старинный гарнитур собрал
И собирается вселяться.

Не вовлекайте, бога ради,
В сумятицу и толчею, —
Я в вашем пионеротряде,
Товарищи, не состою.

ТРОИЦКИЙ

Самое последнее ремесло хвалю..

Григорий Сковорода

Над семью над холмами,
Возле медленных вод,
Помню, Троицкий в храме
Вместе с хором поет.

Петь и плакать — призванье.
И выводит он стих,
А потом в ресторане,
А потом и в пивных.

Начал это при нэпе,
Дань ему отдавал,
Молдаванские степи
Во хмелю воспевал,

Постарел и зажился,
Но не сник потому,
Что с гитарой сдружился
В переходном дыму.

Кем он был, этот старый
Человек из пивной,
Обладатель гитары
С дребезжащей струной?

Был хмельным и бездомным
Гражданином страны
Со своим, незаемным
Дребезжаньем струны.

И, зане дребезжало
В той струне волшебство,
Вашей зависти жала
Изъязвили его.

И не левый, не правый,
Не промежду, а вне,
Он для всякой расправы
Был удобен вполне.

(Никакой не любовник,
Уличенный тобой,
А удобный виновник
Для расправы любой.)

Оттого, что заметен
И поэтому враг,
Но зато безответен,
Неопасен никак.

За свои за печали,
За грехи, за вины
Вы его уличали,
В чем себя бы должны.

Вы на нем вымещали
Все свои неправы,
А ему не прощали
Волшебство мастерства.

Не давали поблажки,
Позабыв «...не суди»,
Разрывали рубашки
У себя на груди.

Страшным голосом ровным,
На палаческий лад,
Объявляли виновным:
Мол, во всем виноват.

В том, что гений не гений,
Но призвание имел,
А других прегрешений
Совершить не посмел.

Ваш палаческий метод
Бил его наповал.
Только Троицкий этот
Это все сознавал.

Мы стенаем и ропщем
От людского суда,
Ну, а Троицкий, в общем,
Не роптал никогда.

* * *

На семи на холмах на покатых
Город шумный, безумный, родной,—
В телефонах твоих автоматах
Трубки сорваны все до одной.

На семи на холмах на районы
И на микрорайоны разъят,—
Автоматы твои телефоны
Пролетарской мочою разят.

Третьим Римом назвался. Не так ли?!
На семи на холмах на крови
Сукровицей санскрита набрякли
Телефонные жилы твои.

Никогда никуда не отбуду,
Если даже, в грехах обвиня,
Ты ославишь меня, как Иуду,
И без крова оставишь меня.

К твоему приморожен железу,
За свою и чужую вину,
В телефонную будочку влезу,
Ржавый диск наобум поверну.

* * *

Поздний Рим периода упадка,
У тебя особая укладка,
Челкой лоб морщинистый прикрыт,
У тебя особая повадка —
Над Элладой хохотать навзрыд.

Римляне, предвидя катаклизмы,
Жить хотят сейчас, а не потом,
Ставят наркотические клизмы,
В подворотнях колют пантопон.

Продали прекрасную Элладу,
Мраморную предали страну.
Розенбаум вышел на эстраду,
Натянул последнюю струну.

* * *

Что ж ты плачешь, старая развалина,—
Где она, священная твоя
Вера в революцию и в Сталина,
В классовую сущность бытия?..

Вдохновлялись сталинскими планами,
Устремлялись в сталинскую высь,
Были мы с тобой однополчанами,
Сталинскому знамени клялись.

Шли, сопровождаемые взрывами,
По своей и по чужой вине.
О, какими были б мы счастливыми,
Если б нас убили на войне.

ЧАСТЫЙ ЗУММЕР

Лежишь во гробе, празднуешь субботу...

Григорий Сковорода

Суббота. Банный день.
И мы ползем туда,
Где ожидают нас
Мочалка и вода,
Где в санпропускнике

От вшей избавят нас
В блаженный этот день,
В блаженный этот час.

В блаженный этот час,
В блаженный этот день
Мы головы свои
Не слишком прячем в тень.
Таиться не резон,
Поскольку этот лог
Еще ни разу враг
Накрыть огнем не смог.

Прекрасен этот мир.
Ползем по рубежу.
Я, взводный командир,
Ответ за всех держу.

Как вдруг из-под земли
Ударил по земле
Незасеченный дзот,—
И страшно стало мне,
Что нам не уползти
От этого огня,
А коль останусь цел,—
Тогда в штрафбат меня.

И вот уж медсестра
Ползет за нами вслед.
Кто ранен, кто убит,
Непострадавших нет.
Недвижнотяжелы,
Не взвалишь на плечо.
А зуммер в блиндаже
Не зачастил еще.

А медсестра больна,
И ей так мало лет,
Не справится одна—
Одной держать ответ.

.
Палаческий звонок
Того, кто в курсе дел,
Кто знал: никто не мог
Предотвратить обстрел.

* * *

Он, Пикассó, Пика́ссо, а не кто-то,
Заказ эпохи не сочтя за труд,
Прообраз мирового анекдота
Изобразил за несколько минут.

Нарисовал ни хорошо, ни плохо,
Минуты в две, а может, и в одну,—
Но отразилась в голубе эпоха
Борьбы за мир, похожей на войну.

* * *

Снова осень, осень, осень,
Первый лист ушибся оземь,
Жухлый, жилистый, сухой.
И мне очень, очень, очень
Надо встретиться с тобой.

По всем правилам балета
Ты станцуй мне танец лета,
Танец света и тепла,
И поведай, как в бараке
Привыкала ты к баланде,
Шалашовкою была.

Прежде чем с тобой сдружались,
Сплакались и спелись мы,
Пылью лагерной кружились
На этапах Колымы.

Я до баб не слишком падок,
Обхожусь без них вполне,—
Но сегодня Соня Радек,
Таша Смилга снятся мне.

После лагерей смертельных
На метельных Колымах,
В крупноблочных и панельных
Разместили вас домах.

Пышут кухни паром стирки,
И старухи-пьюхи злы.
Коммунальные квартирки,
Совмещенные узлы.

Прославляю вашу секту —
Каждый день, в привычный срок,
Соня Радек бьет соседку,
Смилга едет на урок.

По совету Микояна
Занимается с детьми,
Улыбаясь как-то странно,
Из чужого фортепьяно
Извлекает до-ре-ми.

Все они приходят к Гале
И со мной вступают в спор:
Весело в полуподвале,
Растлевали, убивали,
А мы живы до сих пор.

У одной зашито брюхо,
У другой конъюнктивит,
Только нет упадка духа,
Вид беспечноделовит.

Слава комиссарам красным,
Чей тернистый путь был прям...
Слава дочкам их прекрасным,
Их бессмертным дочерям.

Провожать пойдешь и сникнешь,
И ночной машине вслед:
— Шеф, смотри, — таксисту крикнешь, —
Чтоб в порядке был клиент!

Не угрожь мне фраерочка
На немыслимом газу...
И таксист ответит: — Дочка,
Будь спокойной, довезу...

Выразить все это словом
Непосильно тяжело,
Но ни в Ветхом и ни в Новом
Нет об этом ничего.

Препояшьте чресла туго
И смотрите, какова
Верная моя подруга
Галя Шапошникова.

* * *

Мир ловил меня и долго, долго
Все никак не мог поймать меня,
И поймал меня на чувстве долга
И любви к тебе, моя родня.

Эта эпитафия отныне
Тяжела, нескладна и длинна.
Эти неподвластные гордыне,
Жалкие такие письма.

ВОСПОМИНАНИЕ О ФЛОРЕНЦИИ

ТРИПТИХ

1

В Прекрасную Овчарню, где когда-то
Ягненком спал,— в Овчарню, где ягнята
Когда-то спали,— выпались давно,—
В Прекрасную Овчарню не дано
Вернуться из отлучки. И не надо.
Заложник флорентийского разлада
Случайно отлучился навсегда
Передавать со Страшного Суда
Свои корреспонденции. Из ада
Горящие терцины исторгать,
И серой пахнуть, и людей пугать.

По цеховой, по круговой поруке,
Вины, которых не было, в зачет

Поставил ты поэту, и в разлуке
Из низости твоей он извлечет
Высокие и трепетные звуки.

И поводырь по инобытию,
У входа в рай, как бы сменив обличье,
Уступит роль высокую свою
И перевоплотится в Беатриче.

2

И еще об отлучке того флорентийца во славе и силе
Из Прекрасной Овчарни, в которой о господе люди
забыли,

Жен едва постаревших оставили и загубили,
Ибо вскорости умерли те в одиночестве или
За оградой кладбищенской спят в отчужденной
могиле,

Вместо рая мужьями из ада отправлены в ад.
Ну, а эти мужья, эти люди из праха и пыли,
Эти судьи сперва обличали его,
А потом и совсем отлучили
И анафеме предали, зная, что не виноват.

3

И частый зуммер, и гудки короткие,
И мука неизбытная моя,
Когда решали покарать на сходке,
Когда решали порешить меня,
Когда на сходке пили и закусывали,
И говорили по-латыни, и
По-итальянски, вовсе не зулусы,
А флорентийцы — палачи мои.
И мука неизбытна — не в палачестве,
Не в том, что отправляли прямо в ад,
Не в страхе, и не в ужасе тем паче —
А в том, что знали — что не виноват.

* * *

И вот, который раз опять
Скольжу над пропастью, по краю,

И вот, не знаю, что сказать,
О чем сказать, не понимаю.

И только чувствую, что все,
Что было прежде,— не годится.
Период, как у Пикассо,
Другого колера страница.

* * *

Безостановочных дней и годов,
Безостановочный пейс¹ иноходца,—
А по счетам расплатиться готов,—
А после этого время прервется.

Страшного мне не избежать Суда,—
И прегрешений моих вереница
Вытянется беспредельно, когда
Время прервется, пространство продлится...

* * *

Затем, чтоб не мешать погибельной работе
И утренним часам прерывистого сна,
Дом для гостей стоит почти что на отлете,
А там, где сам живет, есть комната одна.

За проживание в ней оплачен полной мерой
Неумолимый счет, кровавая печать,
Поскольку никогда боксер или тореро
Хозяину ничем не станут докучать.

Карибский оком зелено-серо-сизый.
Береговой песок. Следы на нем свежи.
Сияющим плющом охвачены карнизы,
И тысячами книг забиты стеллажи.

Живем, пока живем. А там, глядишь, стареем.
Но продолжаем жить. И все чего-то ждем.
И вот остался я вдвоем с Хемингуэем,
С «Иметь и не иметь» и с «Кошкой под дождем».

¹ Пейс — прохождение дистанции

Но, кроме неба, сам себе судья,
Как это ни банально, — только я.
За то, что был причиной слез однажды
И не однажды, за причину каждой
Слезы, за слезы пролитые все
Я расплачусь. Хотя считал Мюссе,
Что он бессмертен лишь по той причине,
Что плакал. Впрочем, не об этом ныне
Я речи с переносами веду.
Мне место уготовано в аду.
Я виноват в слезах моей любимой, —
Не искупить вину постом и схимой, —
Необходимо расплатиться за
Проплаканные досуха глаза.

ЧЕРЕЗ КОСТЕР

Все то, что сжечь с листвою не удалось,
Теперь в огне поглотит без возврата
Усадебный костер, летящий вкось,
Синтетикой чадающий сладковато.

Через огонь в лицо бросая мне
Упреки воспаленные и пени,
Сидели на обтесанном бревне
Три женщины различных поколений.

Три женщины... Четвертая не в счет.
Речь не о ней, поскольку малолетка,
Хотя меня по имени зовет
И без причины мне дерзит нередко.

Она еще не ведает о том,
Что дней моих совсем осталось мало, —
На рубеже каком-то возрастном
Она меня из виду потеряла.

И наконец остался я с тремя,
Беспомощными, дикими и слабыми,
На все лады бушующими бабами,
И, — Господи, — твержу, — помилуй мя!

* * *

Чьим попеченьем долго жив,
Кто в долгий путь призвал,—
Талантами не наделив,
Призвание даровал.

Кто разорился — подарить
Блаженный сей недуг.
Кого и как благодарить
За то, что нищ мой дух.

* * *

Если кто по природе
 талантлив
 или даровит,
Но в душе не имеет совсем никакого призванья,
Он, вместо того, чтоб творить,—
 говорит,
 говорит,
 говорит,
Завышая свои и чужие ученые званья
И количество взятых и выученных языков,
И покаяться в этом
 от чистого сердца
 готов.

Он выслушать не умеет.
 (Многих черта роковая).
И, собеседника перебивая,
 прерывая
 беседы нить,
Он о собственном мужестве говорит,
 совершенно не сознавая,
Что ниже нельзя унизиться
 и достоинство уронить.

И постепенно в нем
 начинает меняться что-то,
И волос не только редееет,
 но и все более бел.

А где-то маячат сроки
 итога или отчета.
О чем?
 Да о том, что дерева
 он посадить не успел.

А он все говорит,
 говорит,
 говорит
 и не остановится,
Стоя на голой земле,
 на которой даже трава не растет.
И тогда он опасным
 для близких и дальних становится,
Чувствуя, что приближается
 не расплата,
 а, как бы сказать,
 расчет.

Он живет все неистовей.
 Но по внутренней, тайной сути,
В нем так пустынно и глухо,
 когда и живое —
 мертво.
И тогда он себя предлагать начинает
 в третейские судьи, —
И находится кто-нибудь,
 кто нанимает его.

А он все говорит,
 говорит,
 говорит,
 заговариваясь и шаманя,
Принимая загадочный
 и многозначительный
 вид, —
Когда человек не имеет в душе
 никакого призванья,
Но между тем,
 по природе,
 талантлив
 или даровит.

* * *

На материках планеты,
Свой казенный путь торя,
Сколько раз бросал монеты
В океаны и моря,
Сколько раз бросал-прощался,
Ровно столько возвращался,—
Стало быть, бросал не зря.

И на этот раз бросаю
Горсть монет, на этот раз,
И на этот раз не знаю,
Возвращусь ли, но бросаю,
Впрок бросаю, про запас,

Чтоб вернуться в эти дали,
Где над черною водой
Птицы белые взлетали
В непроглядный час ночной.

* * *

Над океаном завыванье Ила,
Вдоль вытянуты кресла в три ряда.
Торонто... Дели... Но какая сила
Тебя сегодня привлекла сюда?

Твой длится день, просроченный, нелетный,
Обшивки лихорадочная дрожь...
В салоне воздух редкий или плотный,
Иллюминатор потный. Не протрешь.

Ты тело чужеродное в системе
Орбит надземных. Твой металл устал.
Ни с этими не спелся и ни с теми
И даже балансировать не стал.

Ты притерпелся ко всему настолько,
Что сам сумел постигнуть всей тщетой:
Ах, это не трагедия, а только
Закон природы, грубый и простой.

А в остальном... Что ж в остальном? Стальное
Косит в иллюминаторе крыло.
В сыром, предэкваториальном зное
Смешное что-то в голову пришло
(Чужая старость раздражает малость,
Своя к себе же вызывает жалость).

* * *

Там над коротенькой травой,
Там в палисадниках старинных,
Там розы при минусовой
Температуре на куртинах.

С материка на материк,
Ирландский город Лимерик —
Отель последнего транзита.
В кабину лифта взгляд проник
На миг, и снова дверь закрыта, —
И стал сопровождать всеместно
Меня повсюду и подряд
Тот совершенно неизвестно
Кому принадлежащий взгляд.
На долю малую минуты
Открылась дверь, слегка звеня,
И я увидел этот лютый
Взгляд, ненавидящий меня.

В пустой кабине лифта, в сонном
Отеле снег стекал с пальто.
Дверь на мгновение с легким звоном
Открылась. Не вошел никто.

* * *

В полупустом салоне воздух мглился;
И серые, измученные лица
Осуществивших shopping или sale
Прелестных стюардесс.
На ледяное,
Российское, равнинное, родное,
Заснеженное поле лайнер сел.

* * *

Что у тебя имелось, не имелось?
Что отдал ты? Что продал? Расскажи!
Все, что имел,— и молодость, и мелос,
Все на потребу пятистопной лжи.

А чем тебя за это наградила?
А что она взамен тебе дала?
По ресторанам день и ночь водила,
Прислуживала нагло у стола.

На пиршествах веселых, в черной сотне
С товарищем позволила бывать,
И в пахнущей мочою подворотне
В четыре пальца шпротами блевать.

Она меня вспоила и вскормила
Объедками с хозяйского стола,
А на моем столе мои чернила
Водюю теплой жидко развела.

И до сих пор еще не забывает,
Переплетает в толстый переплет.
Она меня сегодня убивает,
Но слова правды молвить не дает.

* * *

В этой книге моей
Что-то сооружено
Из 1000 мелочей...
А что?.. Не все ли равно...

Может ли что верней
Служить, чтобы мир сложить,
Чем тысяча мелочей,
Повелевающих жить?..

* * *

Почетная профессия — мошенник:
Везде и всюду слава и почет
Тому, кто ради выгаданных денег
На страшный риск бестрепетно идет.

Я жизнь свою мошенничеством прожил
В мошенническом городе большом,
Его казну по доле преумножил
И подытожил гибельным кушом.

* * *

Он сорок лет грозитя написать
Воспоминанья обо мне, злодее,
И о своей навязчивой идее
Напоминает снова и опять.

Он своего добьется все равно,
Мои злодеяния обнажит пред миром,
И выразит при этом лишь одно,—
Что я все время был его кумиром.

КОРОТКИЕ ГУДКИ

Евгению Храмову

Мы уже распрощались на лето, которое нам предстояло,
Но за миг до того, как обычный прервать разговор,
На рычаг положить телефонную трубку устало,
Он сказал то, чего позабыть не могу до сих пор.

Разговор был обычным, о том, и о сем, и о лете,
И закончился полностью, мы попрощались. Как вдруг
Он сказал то, чего и не думал сказать,— и на свете
Неожиданно все изменилось вокруг.
Он сказал торопливо слова милосердные эти,
И гудками короткими выдал невольный испуг.

* * *

По той причине пуст и неприютен дом,
Что по закону двух сторон одной медали
Я слишком подпускал вас близко, а потом
Вы слишком быстро мне, друзья, надоедали.

И только помню скрип разошедшихся дверей,
Прощанье и уход навеки без возврата.
А кто кому, друзья, надоедал быстрее,
Нам было все равно давным-давно, когда-то.

* * *

Чудес на свете повидав немало
И множество затронув важных тем,
Когда почти что дней моих не стало,
Я был ошеломлен однажды тем,
Что два добропорядочных злодея,
Известности всесветной короли,
О чем-то большем истово радея,
Ребенка в жертву славе принесли.
И оба-два в одном желанье славы
Прошли сквозь дверь из толстого стекла,
Оставив на паркете след кровавый,
Поскольку кровь действительно текла.

* * *

Бывало всяко. Даже тяжело,—
До полного развала и распада.
Я требовал от вас того, чего
От человека требовать не надо.

А ваша прелесть в том и состоит,
Что явно или втайне, в миг единый,
И образ и подобье исказит
Любой из вас без видимой причины.

Но не исключено, что заключен
Смысл наивысший бытия земного
И в том, что снова образ искажен
И что искажено подобье снова.

* * *

...Подавляющее большинство...

(Из протокола)

О, подавляющее большинство!
Кого же подавляешь ты, кого,
Чей вечный дух, чье временное тело?
Ты состоишь само из тех, кого
Само же подавляешь то и дело,—
О, подавляющее большинство...

ПРОСЬБА

С поэзией родной наедине
Всю жизнь свободным прожил я в неволе.
Никитина стихи прочтите мне,
Стихи Ивана Саввича о поле.

Кто я такой? Секрета в этом нет,
И уж теперь тем более не тайна,
Что я несостоявшийся поэт,
Поэт, не состоявшийся случайно.

ЛЕСТНИЦА

Она прошла по лестнице крутой
С таким запасом сил неистощимых,
Что было все вокруг нее тцетой,—
И только ног высоких легкий вымах.

Она прошла, когда была жара,
С таким запасом сил, которых нету
У силы расщепленного ядра,
Испепелить готового планету.

Она прошла с таким запасом сил,
Таща ребенка через три ступени,
Что стало ясно — мир, который был,
Пребудет вечно, в славе и цветении.

* * *

С любой утратой сердце примиряю,
В них никого на свете не виню,
Всегда легко терял и потеряю
Последнее, что всё ещё храню.

Опять разверзлись небеса — и ныне
Легко потерю перенес опять
По той одной-единственной причине,
Что духом нищ и нечего терять.

* * *

Был больше всех греховен и порочен,
И перед всеми виноват кругом,
И щеки не остыли от пощечин,—
Но не об этом речь, а о другом.

О том, что жизнь прошла. И сплю в могиле,
И вижу сон о том, что на земле
Виновен был,— да не за то судили
И присуждали к плахе и к петле.

Скрипит во сне ступенька эшафота,
Вся лестница прямая без перил...
Да только не за то судили что-то,
Ах что-то не за то, что натворил.

Суд надо мной,
Земной,
Под небесами,
Не Страшный,
Не за то, в чем виноват
Виновный,
А за то, что судьи сами
Творили,
Натворили,
Натворят.

* * *

И с фронта и с тыла,
И слева и справа
Ему постоянно грозила
Расправа.

За то, что со всеми
В единой системе
Он жил,
Но ни с этими не был, ни с теми.

* * *

Становится невыгодной опала,
А ведь недавно выгодной была, —
Кормила, одевала, обувала,
Прислуживала нагло у стола.

* * *

Что может разглядеть незрячий?
Тем более провидеть...
Но
Я знал, что так, а не иначе
Судьбой предопределено,
Что в жизни суетной и шумной
До гроба верность сохраню
Патриархальному огню
И женщине полубезумной.

* * *

Пишу о смерти. Не моя вина,
Что пред глазами то круги, то тени,
Что жизнь меня учила этой теме,
Как Францию Столетняя война.

Что на мои вопросы нет ответов,
И нету друга. Только звук пустой.
И дорог из шекспировских сонетов
Один лишь только 66-й.

* * *

Он сочинял и зло, и беззаботно,
О будущем не думая почти:
«До тридцати поэтом быть почетно,
И срам крошечный — после тридцати».

И три десятилетия миновало
С тех пор. И он понаписал немало.
Как на пороше заячьи стежки,
Недолговечна писанина эта.

Кто ж будет слушать новые стишки
Шестидесятилетнего поэта!

СОДЕРЖАНИЕ

После осени	3
«Чуть наклонюсь и варежку сырую...»	4
Надпись на книге	4
Бормотуха	5
«Осенний дождь способствует беседе...»	8
«Дом заселяется людьми...»	8
Троицкий	9
«На семи на холмах на покатых...»	11
«Поздний Рим периода упадка...»	12
«Что ж ты плачешь, старая развалина...»	12
Частый зуммер	12
«Он, Пикассо, Пикассо, а не кто-то...»	14
«Снова осень, осень, осень...»	14
«Мир ловил меня и долго, долго...»	16
Воспоминание о Флоренции. Триптих	16
«И вот, который раз опять...»	17
«Безостановочных дней и годов...»	18
«Затем, чтоб не мешать погибельной работе...»	18
«Но, кроме неба, сам себе судья...»	19
Через костер	19
«Чьим попечением долго жив...»	20
«Если кто по природе...»	20
«На материках планеты...»	22
«Над океаном завыванье Ила...»	22
«Там над коротенькой травой...»	23
«В полупустом салоне воздух мглился...»	23
«Что у тебя имелось, не имелось?..»	24
«В этой книге мой...»	24
«Почетная профессия — мошенник...»	24
«Он сорок лет грозит написать...»	25
Короткие гудки	25
«По той причине пуст и неприятен дом...»	25
«Чудес на свете повидав немало...»	26
«Бывало всяко. Даже тяжело...»	26
«О, подавляющее большинство!..»	26
Просьба	27
Лестница	27
«С любой утратой сердце примиряю...»	27
«Был больше всех греховен и порочен...»	28
«И с фронта и с тыла...»	28
«Становится невыгодной опала...»	29
«Что может разглядеть незрячий?..»	29
«Пишу о смерти. Не моя вина...»	29
«Он сочинял и зло, и беззаботно...»	29

МЕЖИРОВ Александр Петрович

БОРМОТУХА

Стихи

Редактор О. Н. Хлебников

Технический редактор Т. Я. Ковычencoвa

Сдано в набор 12.04.89. Подписано к печати 27.06.89. А 08877

Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд».

Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Усл. кр.-отт. 1,58

Уч.-изд. л. 1,41. Тираж 150000 экз. Зак. № 475. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865,
ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

«СОЮЗ-110 СТЕРЕО» — КОЛЛЕКЦИОНЕРАМ МАГНИТНЫХ ЗАПИСЕЙ!

Звучание магнитофона «Союз-110 стерео» доставит истинное удовольствие ценителям высококачественных записей. Более того, с помощью магнитофона можно создавать комбинированные музыкальные программы, домашние концерты и спектакли. В магнитофоне установлены стеклоферритовые головки, отличающиеся от обычных повышенной износостойчивостью. Предусмотрена возможность синхронной двухканальной монофонической записи и воспроизведения.

Цена — 710 руб.

ЦКРО «Радиотехника»